Книжица наших забав

Роман Шмараков

Роман Шмараков

Книжица наших забав

«ВЕБКНИГА»

2023

Шмараков Р. Л.

Книжица наших забав / Р. Л. Шмараков — «ВЕБКНИГА», 2023

ISBN 978-5-9428286-8-4

Книга современного писателя и филолога составлена из коротких забавных историй, пересказанных со слов средневековых латинских авторов. Иллюстрации А. Шевченко.

ISBN 978-5-9428286-8-4

© Шмараков Р. Л., 2023
© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие 6
I. Об адских конях, а также немного о коровах того же рода 7
II. О мешках, гробах, кроватях и всякого рода емкостях, а также о том, что с ними и в них происходит 14
III. О животных, включенных в эту классификацию, и некоторых других 19
IV. О чудесных статуях и головах, и среди прочего – о браках с языческими божествами 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Роман Шмараков
Книжица наших забав

© Издание на русском языке, оформление. ОГИ, 2023

Предисловие

Эта книга, название для которой заимствовано в переписке Вильгельма из Эбельхольта, составлена из анекдотов в старом смысле слова, то есть «коротких рассказов о примечательном случае»: своего рода средневековый table-talk, флорилегий из латинских авторов XI–XIII вв. У меня не было ни научных, ни популяризаторских намерений. Из трех задач, которые стоят перед любым оратором, – научить, взволновать, усладить (docere, movere, delectare) – я заботился лишь о последней и буду доволен, решив ее хотя бы отчасти, так что, если читатель научится из этой книги чему-то полезному, это случайно.

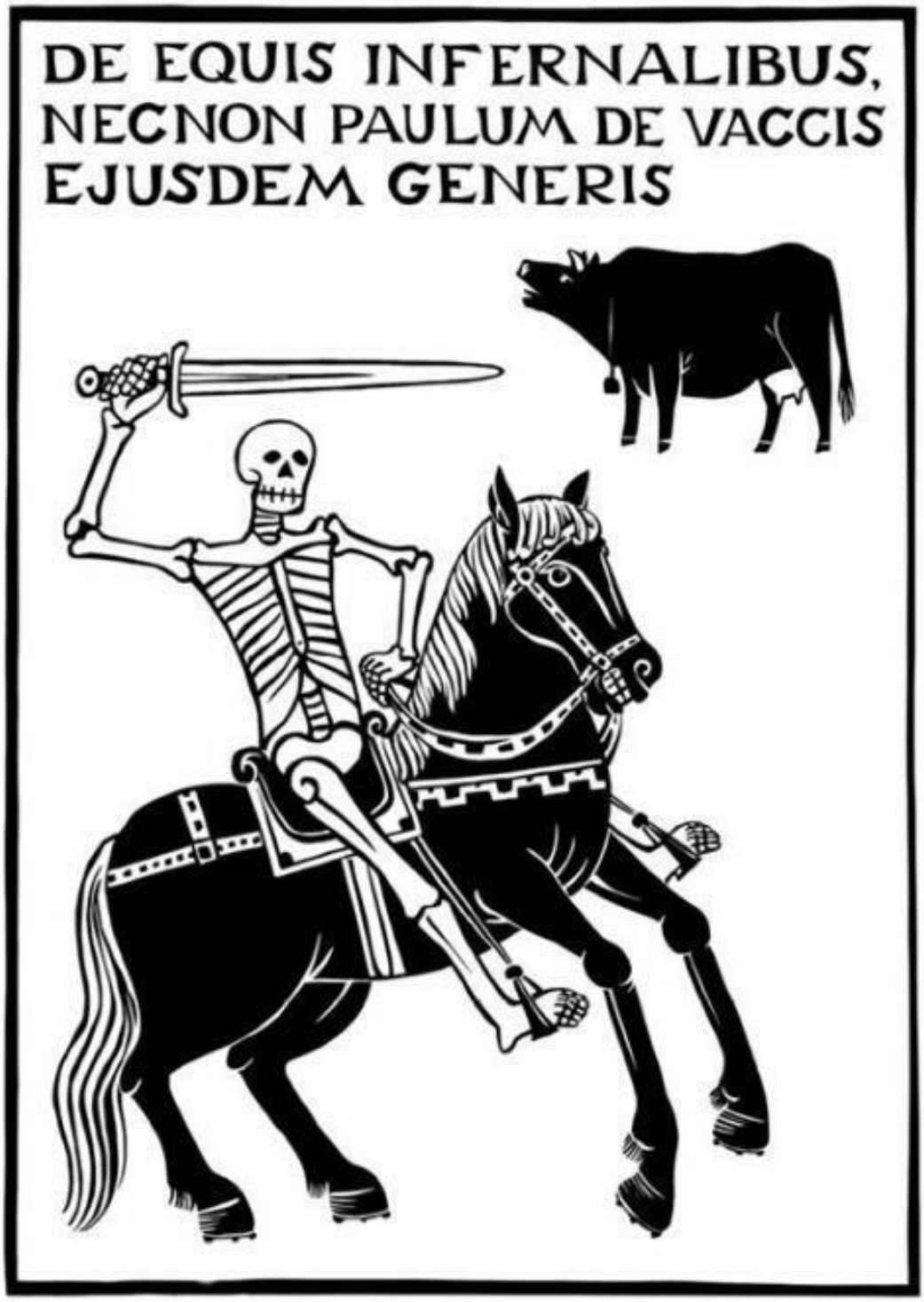
Я старался ограничиваться авторами, доныне не переведенными на русский язык. По этой причине читатель не найдет здесь, например, анекдотов из «Хроники» Салимбене, при всех их достоинствах. В большинстве случаев я даю не точные переводы, а пересказы, в которых стараюсь соблюдать краткость, самую учтивую из добродетелей стиля, и не слишком отступать от тона, свойственного оригиналу; однако иной раз читатель будет слышать не только голос Цезария Гейстербахского или Герберта Клервоского, но и мой. Причиной этому – не метод, но темперамент: иногда мне не удавалось удержаться. Во всяком случае, читатель везде найдет точные ссылки, так что всегда есть возможность заглянуть в оригинал и убедиться, точно ли это там написано.

Короткие справки о тех, чьи рассказы вошли в эту книгу, даны в ее конце. Библейские цитаты даются по Вульгате и могут не совпадать с церковнославянским и Синодальным переводами.

I. Об адских конях, а также немного о коровах того же рода

Храпит и ржет и пышет он огнем,
И как пожар пылают очи.

Жуковский



1

Ночью 1 января 1091 года священник Валхелин из деревни Бонневаль, епископства Лизье, отправился навестить больного в отдаленном углу своего прихода. Идя в одиночестве, он заслышал шум, словно от большого войска. Светила ясная луна. Священник был крепкий молодой человек, но тут устрашился и мыслил о бегстве. Приметив четыре деревца поодаль

от тропы, он пустился было к ним, но кто-то огромный со здоровенной палицей заступил ему путь и, занеся над головою его дубину, молвил: «Стой, и ни шагу дальше». Тот повиновался и стал недвижно. Суровый человек с дубиной стоял подле него, ничем ему не вредя, в ожидании приближающейся рати. Вот потянулась вереница пеших, неся на плечах одежду, скотину и всякий скарб; все горько стенали и поторапливали друг друга. Священник узнал многих из своих соседей, недавно умерших, и услышал, как они оплакивают свои великие муки. Два эфиопа[1] несли огромный древесный ствол, к которому был туго прикручен какой-то несчастный, вопивший от боли: ужасный демон, сидевший на том же стволе, вонзал ему огненные шпоры в чресла и спину. Валхелин признал в этом человеке убийцу пресвитера Стефана. За ними следовала толпа женщин: они сидели в женских седлах, усаженных раскаленными гвоздями, а ветер то поднимал наездниц на целый локоть, то сажал на острия. Уязвляемые в ягодицы, женщины вопили: «Увы, увы!» и признавались в гнусностях, какие творили при жизни. Священник узнал несколько знатных дам и заметил лошадей с пустыми седлами, ждущими тех, кои еще не покинули белого света.

Дальше завиделось несметное сонмище клириков и монахов, а с ними – епископов и аббатов с пастырскими посохами; они вздыхали и стенали, а иные окликали Валхелина и просили молиться за них ради былого знакомства. Увидел он и многих мужей, коих людское мнение уже приобщило к святым: Гуго, епископа Лизье, Майнера, аббата Св. Эвруля, и Герберта Фонтенельского, и многих иных. Видя эти ужасы, он дрожал и ждал ужасов еще больших. И вот потянулось огромное полчище рыцарей, на огромных конях и с черными стягами.

«Это, верно, свита Эрлехина, – мыслит священник. – Я слыхал многих, рассказывавших о подобном, но смеялся над ними, теперь же сам вижу умерших, но мне никто не поверит, коли не заручусь верным свидетельством. Дай-ка поймаю одного из коней, что следуют за этим воинством, отведу домой и покажу соседям». Он ухватил за поводья черного скакуна, но тот вырвался и умчался за ратью эфиопов. Священник стал посередине дороги и протянул руку к другому коню, что шел ему навстречу; тот стал и выдохнул из ноздрей огромное облако, подобное высочайшему дубу. Священник поставил левую ногу в стремя, ухватил узду и положил руку на седло, но вдруг почувствовал под ногой сильный жар, а через руку, державшую поводья, проник в него несказанный холод.

Тут подъезжают четыре грозных всадника и говорят: «Чего хватаешь наших коней? мы тебя не обижали, а ты у нас крадешь. Пойдешь с нами». Испуганный, Валхелин отпустил коня. Когда трое хотели было его схватить, четвертый сказал: «Дайте мне с ним поговорить; я передам через него наказы жене и сыновьям». «Прошу, – сказал он священнику, – послушай меня и расскажи моей жене то, что я поручу». Пресвитер ему: «Я тебя не знаю и жены твоей не ведаю». – «Я Вильям из Гло, сын Барнона, что был некогда кравчим у Вильяма Бретейского; при жизни я творил неправедные суды и совершил больше грехов, чем можно поведать, но пуще всего терзает меня ростовщичество. Я ссудил человека деньгами, взяв в залог мельницу, а как он не смог вернуть заем, я удержал залог и оставил мельницу моим наследникам. Вот я ношу во рту раскаленную мельничную ось, которая мне тяжелее Руанской крепости. Скажи Беатрисе, жене моей, и Роджеру, сыну моему, пусть мне пособят и вернут наследнику залог, от которого получили много больше, чем я дал». «Вильям из Гло давно умер, – отвечает тот, – и такому посланию никто не поверит. Расскажи я это Роджеру из Гло, или братьям его, или матери их, осмеют меня как полоумного». Вильям упорствует, священник не соглашается, и наконец Вильям в бешенстве хватает его за горло и возит по земле, а рука его, чует священник, горит, как огонь. Несчастный только и мог, что воззвать к Богородице, и тотчас подоспела помощь: показался некий рыцарь, размахивая мечом, и молвил: «Что брата моего убиваете, окаянные? оставьте его и уходите».

Те четверо немедля унеслись, а рыцарь, оставшись один с Валхелином на дороге, спрашивает: «Узнаешь меня?» – «Нет», отвечает тот. «Я Роберт, сын Ральфа Белокурого и твой

брат», – и напоминает ему многое из отрочества их обоих. Священник же все это прекрасно вспомнил, но признать не решался. «Дивлюсь я твоей черствости, – говорит рыцарь, – ведь это я тебя воспитывал после смерти родителей и любил больше всех смертных, я послал тебя в школу в Галлию, снабжал одеждой и деньгами и всячески старался тебе пособить, а ты гнушаешься меня признать». Тут священник со слезами признал его правоту. «По справедливости, – говорит рыцарь, – тебе надобно бы умереть и носиться с нами, разделяя наши кары, ибо ты нечестиво и безрассудно накинулся на наше добро, но месса, которую ты нынче совершил, спасла тебя от гибели. И мне позволено показаться тебе с моим злосчастьем. Когда мы с тобой расстались в Нормандии, я отправился в Англию и там кончил свои дни, и по грехам своим терплю суровые мучения. Оружие, которое мы носим, разит ужасным смрадом, давит безмерной тяжестью, палит неугасимым зноем. Но когда ты был посвящен в Англии и совершил первую мессу за умерших, Ральф, твой отец, был освобожден от мучений, а я избавился от щита, тяжко меня угнетавшего. Меч, как видишь, я все еще ношу, но в этом году уповаю на избавление от сего бремени».

Меж тем священник приметил комок крови вокруг его шпор и спросил: «Откуда такой сгусток крови на твоих пятах?» – «Не кровь это, а огонь, и он мнится мне тяжелее горы Святого Михаила. Так как я пользовался острыми шпорами, поспешая на кровопролитие, теперь таскаю на пятах этот груз. Но больше нельзя говорить мне с тобою, брат; я должен спешить за злосчастной ватагой. Молю, помни меня и помоги молитвами и милостынями, а сам исправь свою жизнь и знай, что долгой она не будет. Храни молчание о том, что нынче видел и слышал, и три дня не смей никому поведать».

Молвив это, рыцарь спешно удалился, пресвитер же неделю тяжело болел. Едва оправившись, он отправился в Лизье и поведал епископу обо всем бывшем. После этого он прожил в добром здравии около 15 лет. Ордерик слышал из его уст то, что записал, и видел лицо его, поврежденное прикосновением ужасного рыцаря (*Ord. Vit.* Hist. eccl. VIII. 17)[2].

2

Петр Достопочтенный рассказывает. «Я был в Риме и принес оттуда жестокую лихорадку. Мне советовали для излечения отправиться в родные края; я пришел в Сойанж[3] и там провел в посте всю Четыредесятницу, оказавшуюся тяжелее обычного из-за зноя лихорадки. Я лежал больной, а в соседнем доме мучился один брат, заходясь почти непрерывными криками. – Братья, – вопил он, – почему не поможете, почему не сжалитесь, почему не оттащите от меня этого огромного и ужасного коня? он, лягаясь задними ногами, голову мне разбивает, лицо толчет, зубы сокрушает. Оттащите его, Господом Богом заклинаю, оттащите. Госпожой моей Марией, матерью Господа, – продолжал он, обращаясь к своему мучителю, – и святыми апостолами заклинаю тебя: не мучь меня, отпусти с миром. Я знал этого человека: до обращения был он храбрым рыцарем, а в монашестве – мужем доброй веры и, сколько известно, честного поведения. Кое-как сносил я его крики почти всю Четыредесятницу: все это время он вопил непрестанно, я же из-за своей немощи не мог к нему подойти. Средь его воплей настали пасхальные торжества. Немного окрепнув, я подошел к его ложу и спросил, что значат его крики. – Этот конь, – отвечал он, – мучит меня нестерпимо, в лицо мне бьет копытами, – показывая перстом на стену, подле которой он лежал. Он вертел головою, как бы уворачиваясь от ударов, и старался укрыться подушкой. Я велел принести святой воды и окропить ею больного и место, куда он указывал, а потом спросил, еще ли здесь его конь. – Здесь, – отвечал он, – и терплю от него по-прежнему. – Нельзя было избавить его от демона, пока его недуг, смертный грех, оставался скрыт в глубине. Я увещевал его кропотливо исследовать прошлую жизнь и, обнаружив некий тяжелый грех, исповедаться. Он согласился; все удалились, а я сидел подле него с деревянным

распятием в руке. Он начал и говорил долго; болезнь ему мешала, иной раз я возвращал ему на память то, о чем он начинал сказывать. Он поведал уже о многом, как вдруг, отвернув голову, опять начал метаться в попытках спрятаться за подушкой.

– Вот он, – кричал он, – вот конь, который вечно меня мучит: он опять здесь, упирается и бьется злее прежнего.

– Упорствуй и ты, – говорю я, – это злой дух, хотящий помещать твоему исцелению: не отступай, и победишь.

Он вернулся к исповеди, прилежней прежнего перебирая в памяти дела и мирской своей жизни, и монашеской. Но рассказ его был прерван новым стенаньем, и жалобный голос его, не знаю, к кому обращенный, молвил: «Зачем ты мне мешаешь, зачем прерываешь мою речь? Или говори, что я хочу сказать, или дай мне молвить». Я спросил, с кем он говорит. «Стал над моей головой[4] муж, мне неведомый, который перечисляет все дурные дела, совершенные мною. Говорит он правду, но мне самому исповедать их не дает». Я сказал ему, что и это демон, и увещевал больного не отступать от своего намерения. Он продолжил, то исповедаясь, то сетуя на демонов, словами и ударами заграждающих ему уста. Почти сорок раз прерывалась его исповедь: с таким-то упорством сражается враг, жадный до человеческой гибели. Тянулось наше сражение от первого часа дня до часа третьего. Наконец мы победили, а лучше сказать – победил Тот, без Кого не одолеть злого духа. По окончании исповеди мы спросили, видит ли он коня: он боязливо поднял голову, огляделся и со слезами радости сказал: “Клянусь жизнью отца моего, больше не показывается”. Спросил я и о дурном советчике, который мешал его исповеди. “И он исчез”, отвечал больной. Больше ничто его не тревожило. Он прожил весь тот день и следующую ночь, а на другой день около шестого часа умер мирно» (*Petr. Ven*. De mir. I. 6).

3

Эллебод, постельничий архиепископа Реймсского, послан был в Аррас. В полдень они со слугой приближались к какой-то роще. Слуга, ехавший впереди, заслышал шум, словно ржанье коней, звон оружия и воинский клич. Он поворотил назад и сказал Эллебоду, что и конь его, и он сам дальше идти боятся, что роща полна душами умерших и демонами и что он сам слышал, как они говорят: «Достался нам аршский приор, а скоро получим и архиепископа Реймсского». Эллебод советовал ему перекреститься и ехать дальше. Проезжая мимо рощи, он слышал неясные голоса, скрежет оружья и конское ржанье, а вернувшись в Реймс, застал архиепископа при смерти. Из сего можно заключить, что его похитили эти духи и что кони, на которых скачут души мертвых, – на деле демоны, принимающие облик коней (*Helin*. De cogn. 12)[5].

4

В графстве Неверском жил да был один угольщик, бедный, но благочестивый. Однажды ночью он сторожил свой ров, где пережигал уголь, как вдруг откуда ни возьмись бежит голая женщина, а за ней – всадник на черном коне, с мечом в руке. Настиг он ее и поразил мечом; она упала замертво, а всадник, словно ему этого было мало, спешился и бросил ее в огненный ров, а потом достал ее оттуда, совсем спекшуюся, положил перед собой на коня и ускакал. Угольщик был всем этим чрезвычайно впечатлен. Видение стало повторяться ночь за ночью, и угольщик задумался и опечалился. Это заметил граф Неверский, неизменно чуткий к думам и чаяниям простых угольщиков, и заставил его рассказать, отчего это сегодня особенно грустен его взгляд, а услышав дивную историю, пожелал сам все увидеть. Он исповедался, переменил платье и

пошел с угольщиком. В полночь услыхали они шум и увидели женщину, всадника, бегство и убийство. Всадник хотел уже ускакать, как граф именем Господним заклял его сказать, кто он таков. Тот приостановился и отвечал: «Я – ваш рыцарь такой-то, а эта женщина – жена того-то; она убила мужа, чтобы беспрепятственно со мной блудить; в этом грехе мы умерли и теперь за него казнимся: таково ее наказание, что каждую ночь я ее убиваю и сжигаю». – «А этот черный конь, – спрашивает граф, – он что такое?» – «А это сам дьявол, – говорит рыцарь, – который мучит нас непрестанно и несказанно». – «Можно ли вам помочь?» – «Можно, если молиться за нас, служить мессы и петь псалмы». – Таков, прибавляет Элинанд, был и конь, на которого сел злосчастный маконский граф (см. следующую историю) (*Helin*. De cogn. 13)[6].

5

Власть в Маконе держал граф[7], тиранически распоряжавшийся церковным добром, в насильствах и грабежах превзойдя всякого разбойника. Доныне жители указывают руины старинных церквей, из которых он изгнал служителей святой веры, обратив почитаемые и многолюдные места в запустение. Злоупотребляя властью, день ото дня он делался хуже, призывая на себя гнев Божий, а как беспутство его было не тайное, но откровенное и он досаждал Богу не со страхом, но с дерзостью, подобало и покарать его так, чтобы он сделался зримым примером для всех самовластительных злодеев.

Однажды в праздничный день, когда восседал он в своем дворце, а вокруг него теснилось множество народа, какой-то человек, никому не знакомый, въехал на коне в ворота и среди общего изумления подъехал к самому графу. Став пред ним, человек сказал, что хочет с графом поговорить, так пусть тот следует за ним. Граф, словно незримою силой стиснутый и не способный противиться, поднялся и вышел с ним вместе из дворца. У ворот он обнаружил оседланного коня; человек велел ему сесть в седло; граф послушался. Едва он взялся за поводья, конь полетел с места и на глазах толпы понес графа по воздуху. Весь город, растревоженный жалобным воплем, сбежался на невиданное зрелище: все глядели, как граф скачет по небу. Долго они слышали крик: «Помогите, граждане, помогите» и ничем не могли ему пособить, пока не пропал он из вида, по заслугам своим сделавшись навек сотоварищем бесовскому сонму. Тогда разошлись по домам, ужасным чудом наученные, что страшно впасть в руки Бога живого (*Petr. Ven*. De mir. II. 1)[8].

6

В ту пору как магистр Иоганн из Ксантена и магистр Оливье из Кельна проповедовали крест против сарацин в Утрехтском епископстве, был в тех краях один человек, по имени Готтшалк, промышлявший ростовщичеством. Вместе с прочими он принял крест, не из благочестия, но понукаемый окружающими. Когда по распоряжению папы Иннокентия начали собирать отступное со стариков, нищих и больных, этот Готтшалк, притворившись неимущим, дал за себя пять марок, обведя сборщика вокруг пальца: соседи потом утверждали, что с него и сорок можно было взять за милую душу[9], не пустив его деток по миру, как сам он представлял дело. Сидел этот несчастный в кабаке, гневя Бога и глумясь над Его пилигримами: вы-де, простаки, по морю пуститесь, деньги ваши спустите, жизнь свою ввергнете в тяжкие опасности, я же, сидя покойно дома с женой и детьми, за пять марок купил себе награду не меньше вашей. Но праведный Господь показал, сколь любезны Ему труды и издержки пилигримов и как ненавистен обман и злословие этого сквернавца.

Однажды ночью, когда он спал со своей женой, послышался на мельнице его, примыкавшей к дому, шум, словно от мельничного колеса. Ростовщик кличет слугу: «Эй, малый! кто

это пустил мельницу? поди погляди, кто там». Слуга пошел и тотчас воротился. «Что там творится?» – спрашивает ростовщик. «Не знаю; такой на меня при дверях мельницы страх нашел, что я неволею вернулся». – «Да будь там и дьявол, – говорит ростовщик, – пойду посмотрю».

Вздевает на свои голые плечи какое-то платье, выходит впотьмах к мельнице, отворяет дверь, глядит: стоят там два коня, черней черного, и при них – некий безобразный муж того же цвета. «Ну, мил друг, – говорит он ростовщику, – не мешкай, садись на коня, для тебя ведь привели». Слыша такой приказ, бедняк дрожит, бледнеет, вперед нейдет. «Чего тянешь? – говорит тот, – скидывай одежку да иди сюда». Ведь крест, им принятый, был пришит к этому платью. Ростовщик, видя над собою бесовскую власть и противиться не смея, сбрасывает платье, входит на мельницу, садится на коня, а дьявол – на другого, взвиваются и мчат в адские казнилища. Там несчастный видит отца своего и мать и многих других, о чьей смерти не знал; видит он там и недавно умершего рыцаря, по имени Элиас из Ренена, бывшего бургграфом в Хорсте, а теперь скачущего задом наперед на бешеной корове: она носится во все стороны без устали и мотает головой, так что у него вся спина в крови. «Господин, – спрашивает его ростовщик, – за что вам такое наказанье?» – «Эту корову, – отвечает тот, – я немилосердно отнял у одной вдовицы и теперь должен сносить эту муку без милосердия». Показали ему в тех же краях огненное сиденье, на котором сидеть – никакого покоя, но мука бесконечная, и сказали: ну, все на сегодня, отправляйся домой; через три дня сбросишь с себя плоть и воротишься сюда, на уготованное тебе место, и примешь свою мзду на этом сиденье.

Засим демон отволок его обратно и бросил полуживого на мельнице. Нашли его домочадцы, отнесли на кровать, спрашивают, где был. Он рассказывает, как водили его по аду и как показали сиденье, на котором ему через три дня сидеть. Зовут священника; он начинает говорить, что-де хорошо бы ему покаяться и исповедаться, что никогда нельзя отчаиваться в Божьем милосердии и пр. «К чему эти рацеи? – отвечает ростовщик, – раскаяться я не могу, исповедаться почитаю излишним: стул мой готов, через три дня я на нем усядусь и получу, что заслужил». Так, без раскаяния, без исповеди, без причастия, умер он и водворился в аду. Священник хотел отказать ему в церковном погребении, но вдова подкупила его, и ростовщик лег на кладбище; священника потом епархиальные власти притянули к ответу, но чем дело кончилось, неизвестно.

Новиций: «Почему рыцарь мучится на корове, не знающей покоя, а ростовщик – на прочно стоящем сиденье?»

Монах: «Бог карает грехи сообразно их качеству и образу. Рыцарь отнял корову, коровою и платится; это по части качества. Корова, которая блуждает по лугам и кормится, щипля растущую траву, своим неустанным блужданием и пастьбой символизирует вельмож нашего времени: они пасутся в домах своих подданных, принуждая их к гостеприимству, и непрестанными налогами не дают их добру вырасти. Это насчет образа. А ростовщик, тихо сидя дома, дает деньги в рост, потому и наказуется в преисподней огненным сиденьем; а что оно огненное, это весьма уместно, ибо как огонь – солому, так лихоимство поядает имущество бедняков» (*Caes*. Dial. II. 7)[10].

II. О мешках, гробах, кроватях и всякого рода емкостях, а также о том, что с ними и в них происходит

1

В одной церкви клирики пели звучно, но без благоговения, а один монах видел, как некий демон, держа шуйцею объемистый мешок, десницею ловил голоса поющих и сгребал в мешок. Когда пение кончилось, монах сказал клирикам, гордящимся собой: «Хорошо пели, да напели на целый мешок» (*Caes*. Dial. IV. 9). Что потом демон сделал с полным мешком мелодий и ритмов зарубежной эстрады, не сообщается.

2

Ландграф Людвиг, человек без меры жестокий, умирая, велел своим друзьям, чтобы по смерти надели на него цистерцианский куколь. Так и сделано. Один рыцарь, видя умершего в иноческом облачении, молвил сотоварищам: «Кто сравнится с господином моим во всякой доблести? когда был мужем брани, никому его было не превзойти; когда сделался монахом, никто прилежней его не хранит молчание!» По расставании с плотью душа ландграфа явилась ко князю бесов, сидевшему поверх тартарийского кладязя с чашею в руке. «Добро пожаловать, любезный друг, – молвил владыка тьмы, – покажите ему (обратясь к своим клевретам) наши пиры, наши закрома, наши погреба да приведите обратно». Ландграфа отвели в места мук, где плач и скрежет зубовный, а затем вернули к сатане, сказавшему: «Испей, друг мой, из моего кубка». Несчастный противился, но, крепко принуждаемый, пригубил поневоле, и тотчас серный пламень хлынул из его глаз, ушей и ноздрей. «Теперь, – примолвил сатана, – ты увидишь и мой колодезь, с бездонною его глубиною». С колодца сдвинули покрышку, скинули туда ландграфа и затворили жерло вновь (*Caes*. Dial. XII. 2)[11].

#И_Сатана_привстав_с_веселием_на_лике

3

Где-то в северной Ирландии лежал в доме один человек, мучимый болезнью по бесовскому действию. Ночью он слышал, как бесы говорили меж собой: «Смотри, как бы этот убогий не дотронулся до постели или подстилки того лицемера, не то ускользнет из наших рук». Он уразумел, что речь о святом Малахии, которому недавно довелось переночевать в этом доме. Подстилка была на прежнем месте; больной пополз к ней. «Держи его, держи! – завопили в воздухе, – уходит подранок!» Но, чем громче они кричали, тем упорней он работал коленями. Он добрался, взобрался на кровать и давай возиться на подстилке, а кругом раздавался плач: «Сами себя одурачили; улизнул!..» Тут ушел страх, который терпел он от бесов, а с ним и болезнь (*Bern. Clar*. V. Mal. 20).

4

Один епископ, путешествуя, остановился на речном берегу отдохнуть. Вдруг ему послышался голос из речного русла: «Час пришел, человек не пришел». Встревоженный епископ, мысля, что здесь не без тайны, ждет, что же за этим последует. Смотрит: вот показался некий клирик, скачущий со всей поспешностью. Он шпорит коня, торопясь перебраться через реку, епископ же велит своим людям не мешкая преградить ему дорогу. Юноша мчится, стремясь на полном скаку въехать в реку, а люди епископа принуждают его сдержать бег. «Расступитесь, прошу, – говорит он, – пропустите; королевский приказ меня гонит. Это дело неотложное; королевская тайна настоит, неодолимая нужда повелевает». Но удерживают юношу силой, а

епископ заставляет его разделить с собою ночлег. Когда епископа одолел сон, юноша нашел сосуд с водой, сунул в него голову и захлебнулся насмерть (*Petr. Dam*. De var. mir. 8).

5

Иные считают, что звезда волхвов, свершив свою службу, упала в колодец в Вифлееме, и там внутри ее видно (*Gerv. Tilb*. Ot. imp. I. 5).

6

Капеллан одной знатной дамы, человек мирских привязанностей, паче всего преданный забавам охоты, умер и был погребен в монастыре Мелроуз. Дальнейшие события яснее ясного открыли его порочность: он начал подниматься из гроба, а как блуждать по монастырю ему мешала святость места, он избрал поприщем для своих затей дом своей бывшей госпожи и прогуливался вокруг ее спальни с воплями и бормотаньем. А поскольку не все любят этот жанр, дама, удрученная и встревоженная, поведала о происходящем одному из монахов, прося молиться за нее усердней обычного. Дама щедро благотворила монастырю, и монахи привыкли ее уважать, потому ее собеседник обещал ей скорое избавление по милости Божией, а сам, вернувшись в монастырь, взял себе в помощь одного решительного монаха и двух крепких парней и ночью стал с ними сторожить на кладбище. «Уже миновала полночь, а ничего ужасного не появилось», – с оттенком разочарования замечает автор. Наконец они решили, что организатор вечеринки останется, а остальные трое пойдут в ближайшее жилье погреться. Так и сделали. Дьявол счел этот момент удачным и немедленно пробудил труп в гробу. Завидев его издали, монах сперва оцепенел от мысли о своем одиночестве, но потом ободрился и уметил приближающегося мертвеца топором. Тот застонал, оборотился и кинулся назад, а монах, совсем развеселившись, пустился следом. Могила зевнула, приняла жильца и затворилась. Тем временем отогревшиеся участники мероприятия вернулись и с досадой услышали, что все пропустили. Тогда они решили выкопать преступного мертвеца из могилы, немедля взялись за дело, и на рассвете он предстал их очам, с большой раной на теле и в полной кровью могиле. Его вынесли из монастырской ограды и сожгли, а прах развеяли (*Will. Newb*. Hist. Angl. V. 24).

7

Похожая история, тоже рассказанная Вильяму человеком, заслуживающим всяческого доверия, произошла в замке Аннантис. Пришел туда из йоркских краев один человек дурного поведения, знакомый владельцу замка, поселился и женился. О жене его ходили сплетни, и он терзался ревностью. Чтобы испытать ее нравственность, человек дурного поведения однажды притворился, что отправился в дальний путь, а сам тайком вернулся в дом и спрятался на балке над кроватью жены. Недолго пришлось ему ждать: он увидел, как она распутничает с юношей-соседом, и от негодования так завозился, что рухнул с балки, как карающее правосудие, и громко пал наземь рядом с их ложем разврата. Последний немедленно прекратился, уступив место иным формам бесстыдства. Прелюбодей убегает, оставив свою подругу улаживать это щекотливое дело, а та заботливо соскребает человека дурного поведения и нежно за ним ухаживает. Едва очнувшись, он начинает попрекать и угрожать. – Бог с тобою, – отвечает жена, – что ты такое говоришь? это, друг мой, не ты, а твоя болезнь заставляет тебя извергать такие нелепости. – Ему советуют исповедаться и причаститься, но он, хотя жестоко разбитый, занят лишь тем, что с ним случилось и что сказала его жена, и откладывает свои христианские обязанности на завтра – день, до которого он не дожил.

Его почтили приличным погребеньем, но, лишенный благодати и терзаемый заслуженными злосчастьями, он не упокоился в гробу и принялся по ночам блуждать по улицам, преследуемый стаей лающих собак. Все запирались накрепко, никто носа не казал из дому до рассвета, чтобы не встретиться с этим неистребимым ревнивцем, но всякое попеченье было тщетно: его тлетворные странствия заразили воздух, и в округе начался мор. Поминутно мертвых носят, а уцелевшие торопятся перебраться в безопасное место. В Пальмовое воскресенье монах, от которого наш автор услышал эту историю, ободрил оставшийся народ приличною речью и созвал совет из мудрых и благочестивых людей. Пока они сидели за беседой и обедом, двое юношей, потерявших отца в этом поветрии, решили вырыть покойника, пока он не уморил тут всех, и сжечь; никто им нынче не помешает – весь город прячется по домам, а мудрые люди еще обедают[12]. Взяв заступ, юноши пошли на кладбище и начали копать. Вскоре обнажился труп, непомерно разбухший, с багровым лицом, в почти разодранном саване. Бесстрашные от гнева, они нанесли ему рану, из которой вытекло много крови, и сложили костер, а потом заступом пробили бок мертвецу и вытащили его сердце. Когда тело уже занялось, они пошли сообщить неспешно обедавшим мудрым людям о своем занятии, и те, бросив салфетки, прибежали смотреть. Когда труп истлел, прекратилось и поветрие, словно пламя, истребившее мертвеца, очистило воздух (*Will. Newb*. Hist. Angl. V. 24). «Изложив это, вернемся к порядку нашей истории», – говорит Вильям и с некоторым облегчением переходит к осаде Омаля[13].

8

Была одна девица хорошего рода, столь гневливая, сварливая и крикливая, что, где ни обретается – дома ли, в церкви ли – всегда вокруг нее ссоры и неприязни, и счастливым почитал себя тот, кого миновал бич ее языка. Наконец она умерла и была погребена в церковном атрии. Поутру придя в церковь, люди увидели, что могила ее, словно печь, дымится. Испуганные и любопытные, они разрыли землю и нашли, что верхнюю половину ее тела пожрал огонь, а все, что от пупа и ниже, цело (*Caes*. Dial. IV. 22).

9

В императорском городе Дуйсбурге одна вдова варила и продавала пиво[14]. Однажды в городе начался большой пожар и подступал уже к ее дому. Вдова вынесла все кувшины и кружки, какими отмеряла пиво покупателям, и, поставивши их у дверей, против подступающего огня, взмолилась: «Господи Боже, праведный и милосердый! если я когда-нибудь обманывала людей этой мерой, пусть мой дом сгорит дотла; если же я поступала праведно в очах Твоих, призри на нужду мою и пощади меня и мою утварь». И Господь, рекший: «Какою мерою мерите, возмерится вам», внял молитве вдовы: огонь, пожиравший все кругом, не тронул ее дома, хотя там было чему гореть (*Caes*. Dial. X. 31).

10

Генрих из Вайды был человек богатый, могущественный и знатный, министериал герцога Саксонского. Однажды зашла у него с женою беседа о грехе Евы. Жена сильно осуждала невоздержность нашей прародительницы, которая ради одного малого плода ввергла род людской в такие злосчастия. «Не осуждай ее, – говорит муж. – Возможно, и ты бы уступила такому искушению. Вот я прикажу тебе кое-что – так, мелочь, однако ты ради любви ко мне и этого не исполнишь». – «Это что же такое?» – спрашивает жена. – «В день, когда ты купаешься, не смей входить босыми ногами в лужу, что у нас на дворе. В другие дни – сколько тебе угодно».

Лужа была гнилая и зловонная, со всего двора стекали в нее нечистоты. Жена засмеялась и ужаснулась самой мысли нарушить такой запрет. «Давай назначим штраф, – прибавляет Генрих, – если ты соблюдешь мой наказ, получишь от меня сорок марок; а коли нарушишь, заплатишь мне столько же». Условились. Втайне от жены Генрих посадил при луже дозорных. С сего часа честная и стыдливая женщина не могла пройти по двору, не покосившись на лужу. Всякий раз, как она принимала ванну, мучило ее желание. Однажды, выйдя из мойни, она сказала служанке: «Если не войду в эту лужу, умру». И тотчас, оглядевшись и никого не увидев, она подобрала платье, забралась в эту смрадную жижу по колено и, бродя туда-сюда, утолила свое желание. Она еще на берег выбраться не успела, как мужу донесли о ее занятии. «Хорошо ли нынче помылась?» – спрашивает он ее при встрече. «Изрядно», – говорит она. «В бочке или в луже?» Она конфузится и молчит, видя, что ему все известно. «Где же, – говорит муж, – стойкость твоя, послушность твоя, похвальба твоя? Слабее Евы искушаемая, ты малодушней противилась, позорнее пала. Ну, сорок марок с тебя». А как заплатить ей было нечем, муж отобрал все ее дорогие одежды и роздал разным людям, знатно ее помучив (*Caes*. Dial. IV. 76).

III. О животных, включенных в эту классификацию, и некоторых других

– Но что же это такое? – взволнованно повторил Морис.
– След ядовитой многоножки.
Майн Рид

1

Воин по имени Геральд, живший в деревне недалеко от Конка[15], возвращался из Рима, когда мул, взятый им взаймы у брата, начал слабеть. Вспомнив о чудесах святой Фе, своей соседки, Геральд обещал ей за выздоровление мула свечу длиной с его хвост. Мул, однако,

издох. Геральд думал продать шкуру человеку, у которого жил, но тот давал за нее сущие гроши, рассудив, что Геральду некуда будет девать эту падаль, так что шкура ему и даром достанется. Тогда Геральд, раздосадованный, давай полосовать мертвого мула вдоль и поперек, чтобы хозяин его не радовался целой шкуре, а потом схватил свой посох, вышиб мулу глаз и пробил хвост, приговаривая: «Худо ли было бы святой Фе, кабы она получила от меня эту свечу? А мне теперь две беды разом: я остался пеший на дороге, а когда доберусь, буду должен брату сто солидов за подохшего мула». Едва он выговорил эти слова, как мул вскочил на все четыре ноги. А чтоб никто не усомнился, что он был мертв по-настоящему, шкуру его отныне расписывали следы нанесенных ран, не кровавые, но как бы полоски светлой шерсти. Обрадованный Геральд поспешил домой, благодаря Бога и святую и повсюду разглашая совершившееся чудо, которому разграфленный мул был непререкаемым свидетельством (*Bern. Ang.* De mir. 3).

#день_рождения_Иа #И_ветхие_кости_ослицы_встают

2

Генрих фон Форст сказывал, что у одного его знакомого была незаживающая рана в боку и очень его мучила. Однажды он заснул где-то на природе с обнаженным боком; приползла змея и стала лизать его рану. Он проснулся и сперва от испугу, конечно, ушиб ее маленько, но потом, приметив, что ему стало лучше, стал туда ходить на постоянной основе и подставлять змее свои пораженные места. Когда он так вылечился амбулаторно, змея столь его полюбила (in tantum a serpenti coepit diligi), что, где он ни ляжет спать, змея сразу шасть туда и давай подле него увиваться. У него от этого сон портился и настроение нерабочее. Он переехал в другую область и полгода змеи не видал. Вернулся – и опять она: в спальню ей войти не дают, так у дверей отирается. Ему говорят: да убей ты ее уже. Как это, говорит, она меня вылечила, а я ее убью. Но потом не вытерпел и убил все-таки (*Caes.* Dial. X. 70).

#придешь_домой_там_ты_сидишь

3

Подле одной деревни волк похитил взрослую девицу, прихватив ей зубами руку, пресек ее попытки кричать и уволок в темный лес, где их поджидал другой волк. Первый заставил ее сунуть руку в пасть второго; оказалось, что там застряла кость; девица вытащила ее, и исцеленный волк вместе со своим сослуживцем (cum suo collega) вернули девицу в ее деревню.

Новиций замечает на это, что видел юношу, который в детстве был похищен волками и ими воспитан, так что впоследствии умел бегать по-волчьи, на четырех конечностях, и выть (*Caes.* Dial. X. 66).

4

В одной деревне Кельнского диоцеза жил некий Дитрих по прозвищу Рак. Однажды в молодости, возясь на поле, он зашиб большую жабу. Видя, что она подымается перед ним на задних лапах, словно драться хочет, он в раздражении убил ее суком. Вскоре он, однако, увидел, как мертвая жаба ползет за ним следом. Он снова проткнул ее, а потом спалил, но убедительного успеха не добился. С той поры не было места, где бы он мог спать безопасно[16]. Он вешал щит на потолочную балку и, примостясь, дремал, и снились ему там, надо полагать, всякие глупости. Однажды ехал он с приятелем, жалуясь ему на свои невыносимые чудеса, как вдруг – вот она, вцепилась в хвост его коня и ползет вверх. «Берегись! – вопит товарищ. – Этот

черт на твоего коня взмостился!» Дитрих спешивается и снова убивает неугомонную жабу. В другой раз сидит он с товарищами – и вот она, на дверном косяке. «Вот где этот черт, – говорит Дитрих. – Верно, не избавиться мне от него, покамест не отомстит». И, обнажив ляжку, подставляет жабе: на, постылая!.. Та его кусает, Дитрих ее отшвыривает и, бритвой, которую держал под рукой, отхватив укушенное место, бросает его подальше. Смотрят: отрезанный лоскут мяса, зараженный ядом, вздувается с кулак и лопается.

Так Дитрих избавился от своей жабы (*Caes*. Dial. X. 67).

5

В овернском краю один крестьянин держал ульи и, боясь, что его пчелы улетят или перемрут, затеял сохранить их кощунственным способом. Он пошел в церковь и, приняв от священника Тело Господне, не проглотил его, но удержал во рту, а потом направился к своим ульям. Наклонясь к одной из скважин, он принялся дуть на пчел, уверенный, что из пчел, если обдуть их таким образом, ни одна не улетит, ни одна не подохнет, но все будут здоровы и прилежны. И так он, радуясь будущему прибытку, усердствовал, что выронил изо рта Тело Господне, и оно упало подле улья. Тут пчелы, разом вынесшись из улья, как разумные создания, благоговейно подняли Тело Господне с земли и понесли в свое жилище на глазах хозяина. А тот, почитая это дело маловажным, поглядел да пошел к своим делам. Но по дороге великий страх его поразил; он опомнился и понял наконец, в какое нечестие вдался. Кинулся он назад, залил улей водою и, умертвив пчел, обнаружил Тело Господне в виде прекрасного ребенка, лежащего меж сотами. Остолбенел он и не знал, что делать, но потом, вынув его, понес в церковь, чтобы тайно похоронить; едва, однако, прибежал он к церковному порогу, Тело Господне вырвалось из недостойных рук и исчезло (*Petr. Ven*. De mir. I. 1)[17].

6

Один человек, в чьем доме было много ласточкиных гнезд, поймал одну ласточку, привязал ей к лапе грамотку со словами: «Ласточка, где ты живешь зимой?» – и отпустил, зная по опыту, что ласточки возвращаются на прежние места. Улетев с другими в Азию, она свила гнездо в доме некоего Петра. Заметив грамотку на ее лапе, тот поймал птицу, прочел и приписал: «В Азии, в доме Петра». Когда ласточки воротились, человек прочел ответ и потом рассказывал эту историю как чудо (*Caes*. Dial. X. 59).

7

Один монах спал в хоре, а вокруг него видели бродящих с хрюканьем свиней. Цезарий держится мнения, что они кормились стручками, падавшими из его уст. «Это что же за стручки», – спрашивает новиций. – Когда человек бормочет псалмы в дреме, без усердия, его слова без силы – пустая оболочка, словно кожура от гороха или бобов, которой эти свиньи, то есть демоны, всласть наедаются (*Caes*. Dial. IV. 35)[18].

8

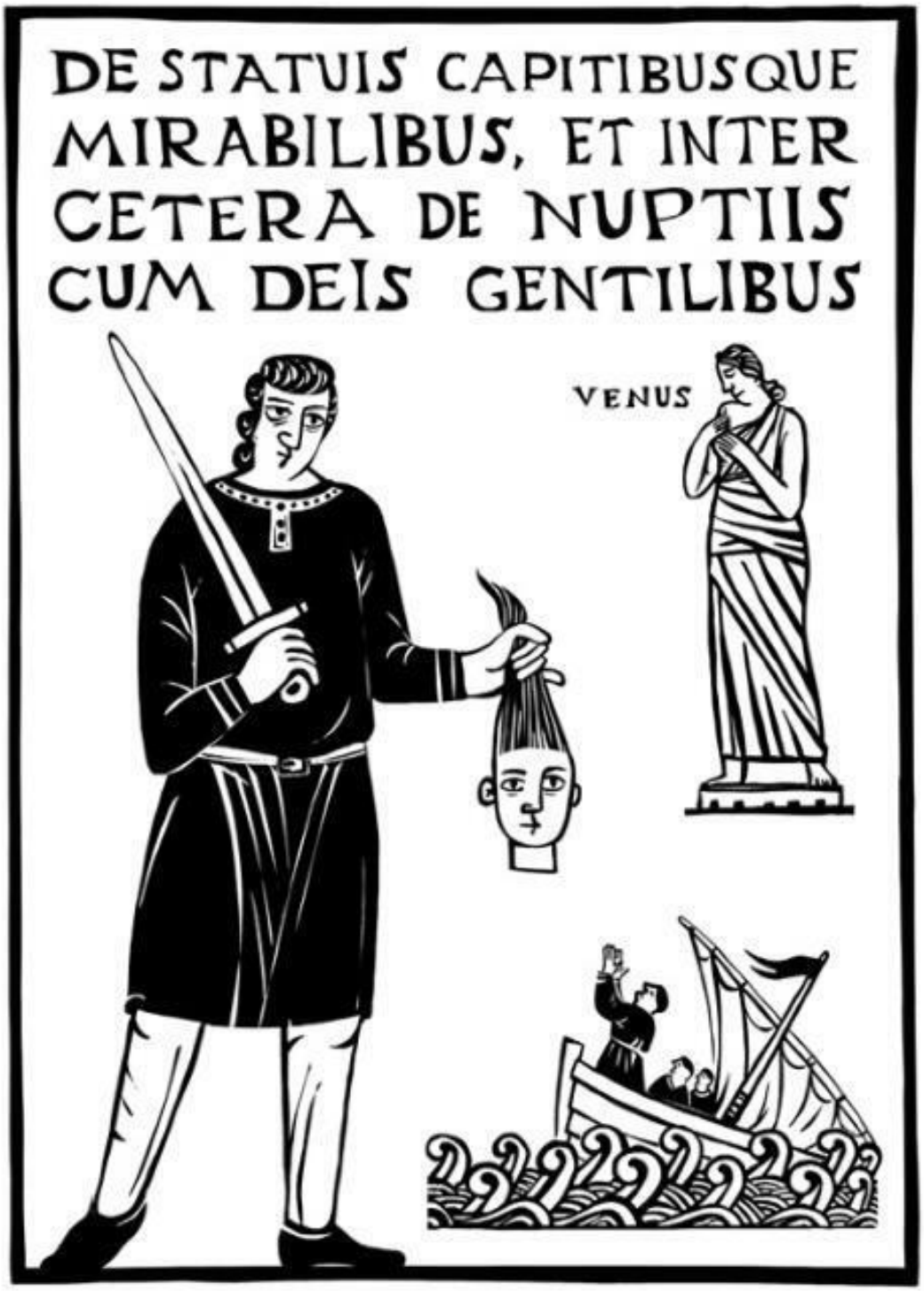
Редкий случай произошел с неким Вассом, когда тот ехал мимо мельницы. С этих пор Васс надолго зарекся ездить мимо мельницы, потому что явилось ему существо, у которого уши и хвост были ослиные, а все остальное – медвежье, за всем тем уверявшее Васса, что они

знакомы, хотя тот оживления, даже неискреннего, не выказывал и всячески пытался от дальнейшего знакомства уклониться. Наконец когтистый зверь, докучный собеседник, растолковал Вассу, что он бывший папа Бенедикт IX, а ныне справедливо осужденный небесным судом, а поскольку он жил по-звериному, то по смерти получил звериное обличье; кара же его состоит в том, что он в ожидании Судного дня без остановки влачится по тернистым, серным, смрадным и кипящим местам, а после Страшного суда его тело и душу поглотит гееннская прорва без всякой надежды на избавление. С этими словами он исчез. Уши ослиные, говорит автор, были ему даны из-за его сладострастия, медвежье тело – из-за плотской жизни, и лучше бы ему было оставить епископство (*Helin*. Chron. XLVI; PL 212, 935).

IV. О чудесных статуях и головах, и среди прочего – о браках с языческими божествами

Найду ли краски и слова?

Пушкин



1

Один юноша из знатного римского рода справлял пышную свадьбу. После пира он с друзьями вышел на поле поиграть в мяч, а между тем надел обручальное кольцо на палец медной статуи. После игры, желая забрать кольцо, он обнаружил, что палец согнут. Юноша силился,

но не умел ни стянуть кольцо, ни отломить палец и втихомолку ушел, скрыв все от товарищей. Ночью он вернулся со слугами и обнаружил, что палец вновь разогнут, а кольца нет. Юноша, беспечно забыв об этом, поспешил к жене, но, когда хотел лечь с нею, увидел некую туманную преграду, вращавшуюся меж ними, и услышал голос, говоривший: ляг со мною, ведь мы нынче обручились; я Венера, ты мой, и я тебя не отдам. – Устрашенный, он провел ночь в безмолвных раздумьях. Тем несчастье его не кончилось: всякий раз, как он хотел обнять жену, он ощущал эту преграду, во всем остальном будучи вполне здоров. Наконец жалобы жены вынудили его поведать свою тайну родителям, а те решили просить помощи у Палумба. Это был священник, искусный в некромантии. Он потребовал богатой награды, если соединит супругов, и, сочинив некое письмо, подал его юноше, говоря: «Иди в такой-то час ночи на перекресток четырех дорог, стань и смотри молча: пойдут мимо людские обличья обоего пола, всякого возраста и сословия, одни в унынии, другие в надмении, иные радостные, иные горестные; ни с кем не заговаривай, даже если к тебе обратятся. За этим роем последует некто, величественней прочих, на колеснице: молча отдай ему письмо, и все сделается, как ты хочешь, только не теряй мужества». Так и вышло. Среди толпы, бредущей мимо, приметил юноша женщину верхом на мулице, разубранную, как блудница, делавшую бесстыдные жесты. Наконец юноша протянул письмо тому последнему, кто, восседая на колеснице, с грозным видом спросил его, что он тут делает. Демон узнает печать, читает грамоту и, воздев руки к небу, говорит: «Боже всемогущий, долго ли Ты будешь терпеть непотребства Палумба?» Он посылает своих клевретов отнять кольцо у Венеры: та отбивается, но отдает. Юноша наконец добился своего и вкусил отрад супружеской любви, а Палумб, услышав вопль демона к Богу, понял, что это предвестье его гибели, и, исповедавшись папе пред всем римским народом в неслыханных гнусностях, умер, добровольно истерзав свое тело ради покаяния (*Will. Malm*. Gesta reg. II. 205)[19].

2

В конце XII – начале XIII века несколько латинских авторов рассказывают странную историю, в которой обломки классической мифологии и мотив некрофилии сочетаются с точной географической привязкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.